

МОЯ СУДЬБА – ПРОФЕССИЯ

Н. И. ГЕНДИНА,
проректор по научной работе Кемеровской
гос. академии культуры и искусств,
доктор пед. наук, профессор

«Воспоминанья острый луч...»

Уважаемые наши читатели! Мы открываем новую рубрику «ШБ» «Моя судьба – профессия библиотекарь». Автор и одновременно герой первой публикации этой рубрики – Н.И. Гендина, член редколлегии "ШБ", ведущая рубрики "Информационная культура личности" и наш сегодняшний юбиляр.

16 июня 2003 года Наталье Ивановне исполнилось 50 лет.

Всех, кто знаком с Натальей Ивановной, кто учился и учится у нее, чарует не только ее внешняя красота, огромная эрудиция, творческий потенциал, но и неиссякаемый оптимизм, трудолюбие, простота в общении, отличающая истинного российского интеллигента.

РЕДАКЦИЯ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕТ ЮБИЛЯРА И ЖЕЛАЕТ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ И ЗДОРОВЬЯ НАТАЛЬЕ ИВАНОВНЕ – ДОКТОРУ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ, ПРОРЕКТОРУ ПО НАУКЕ КЕМЕРОВСКОЙ АКАДЕМИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ.

Мы решили, что лучше всего о нашем юбиляре расскажет она сама в своих воспоминаниях об Учителе, рядом с которым прошла большая часть ее жизни. Это Стас Андреевич Сбитнев (1918–2002), профессор Кемеровской государственной академии культуры и искусств, выдающийся ученый, основатель факультета информационных технологий и кафедры технологии автоматизированной обработки информации. В этом году ему исполнилось бы восемьдесят пять лет. К 85-летию Стаса Андреевича его друзья, ученики, коллеги выпустили книгу «Стас Андреевич Сбитнев: Жизнь, отданная людям. Хроника. Воспоминания. Исследования».

Мы рады открыть новую рубрику статьей Н.И. Гендиной из этой книги.

Как счастливо переплелись две библиотечные судьбы, яркие и неординарные! Думаем, что эта рубрика будет особенно полезна нашим молодым коллегам, которые только недавно пришли в профессию.

Дорогие друзья! Ждем и от вас писем, статей об интересных библиотечных судьбах.

Трудно подобрать слова, чтобы выразить то, чем стал для меня мой Учитель – Стас Андреевич Сбитнев. Это он, подобно демиургу, буквально вылепил из меня профессионала, сформировал мое профессиональное сознание. Это он воспитал меня как преподавателя. Это он определил мое становление как проректора по научной работе, администратора. Это он, примером всей своей жизни, заложил

С.А. Сбитнев и Н.И. Гендина с группой студентов

отношение к Делу, к Профессии как к высшему Служению.

Рядом со Стасом Андреевичем прошла вся моя сознательная профессиональная жизнь – вот уже 25-й год я работаю в своем вузе, а если учесть 4 студенческих года, то все эти без малого 30 лет прочли в «Школе С.А. Сбитнева». Именно в Школе, ибо, несмотря на все полученные мной ученые степени и звания, рядом со Стасом Андреевичем я всегда ощущала себя ученицей. В этом вечном ученичестве не было ничего обидного, напротив, было ощущение надежности, прочности «профессионального мироздания», осознание счастливой возможности обсудить возникающие проблемы с все понимающим, мудрым человеком, всегда получить дельный совет и реальную помощь.

В эти минувшие 30 лет вместилась целая жизнь. Причудливо, словно в калейдоскопе, воспоминания сменяют друг друга...

Мое самое первое впечатление о Стасе Андреевиче – изумление, смешанное с робостью и даже страхом. Замкнутая, стеснительная студентка-первокурсница, с ужасом смотрю я на огромного, громогласного преподавателя, так не похожего на моих скромных сельских школьных учителей. Я еще не понимаю его метафор, не способна оценить его шуток, я его просто боюсь. Боюсь до такой степени, что, сметая стулья на своем пути в 209 аудитории, бросаюсь на экзамене по библиотечным каталогам к Валентине Алексеевне Сасс, чтобы ответить ей, а не Стасу Андреевичу, принимающему экзамен, что называется, «в четыре руки».

Постепенно я привыкаю к вузу и даже начинаю его критически оценивать. Возникают мучительные сомнения в правильности сделанного выбора. Мы были вторым набором в истории вуза и в какой-то период выпали из поля зрения Стаса Андреевича, все свое внимание сосредоточившего на первом наборе, своих любимцах. В это время, сильно разочаровавшись в избранной специальности, наслушавшись описательных, схоластических курсов, практически возненавидев все на свете библиографии и «социалистическое библиотековедение как общественную дисциплину», я стала заниматься изучением фольклора в студенческом научном кружке под руководством зав. кафедрой

С. А. СБИТНЕВ

литературы Любови Антоновны Пудаловой. С горя, так сказать. Но фольклористкой мне стать было не суждено. На третьем курсе я, будучи уже Ленинской стипендиаткой, попала в зону пристального внимания Стаса Андреевича. На каждой поточной лекции он поднимал меня с места и осведомлялся о моем понимании какого-либо вопроса. С ужасом я ждала его лекций и грозного (как мне тогда казалось) голоса, с незабываемой интонацией, с южным раскатистым «г»: «Ну, Гендина, где тут у нас Гендина... что ты думаешь по поводу... релевантности...» Проверка моих умственных способностей завершилась вызовом на кафедру и серьезным разговором с постановкой жесткого диагноза: «На библиотечном факультете не готовят фольклористов. Нельзя бездарно тратить время, пора серьезно заняться специальностью, вот реальная тема для исследования – «Избирательное распространение информации», ею и будешь заниматься под моим руководством». Так я поступила в Школу Сбитнева. (А мои потуги на фольклористику еще долгие годы служили предметом шуток Стаса Андреевича).

Последующие два года работы сначала над курсовой, а потом над дипломной работой совершенно преобразили мое первое наивное восприятие С.А. Сбитнева. Сколько времени, сил, идей он отдавал своим ученикам! Обычные консультации превращались в многочасовые беседы, в результате которых мое непонимание и страх сменились безграничным уважением к Учителю, восхищением этой талантливой Личностью. **Его страстные монологи на лекциях превращались в гимн профессии библиотекаря и информационного специалиста, его вера в неизбежность и неотвратимость автоматизации библиотек и служб информации была безгранична.** Теоретические постулаты, изрекаемые С.А. Сбитневым, были неопровержимы, ибо за ними стоял не только острый, пылкий ум талантливого исследователя, экспериментатора, но и колоссальный практический опыт работы в библиотеках и ЦНТИ. Объехавший практически всю Россию за время работы в Кемеровском ЦНТИ Стас Андреевич открывал нам панорамное видение состояния библиотечного и ин-

формационного дела в стране, давал не безликое, книжное, а живое, пульсирующее знание, показывал всю остроту реальных, а не умозрительных профессиональных проблем.

Поражали его прозорливость, дар научного предвидения, умение смотреть далеко вперед. Этот дар проявился в его уникальной способности отбирать наиболее склонных к научно-исследовательской, преподавательской работе выпускников, в способности сформулировать для студенческой дипломной работы такую тему, которая впоследствии естественно и свободно становилась темой диссертации. Страстный патриот Кузбасса, своего Дела, своего вуза, своей кафедры, он ясно понимал необходимость дальнейшей учебы, роста профессионального и общекультурного уровня своих учеников, тех, кого он выделил, определил для дальнейшей работы рядом с собой.

Мне не забыть начала своей трудовой, уже не студенческой, а настоящей «взрослой жизни». Вместе с другими «краснодипломниками» я была оставлена после окончания вуза на кафедре с тем, чтобы затем пройти годичную преподавательскую стажировку в Ленинградском государственном институте культуры им. Н.К. Крупской. Но стажировка начиналась в ноябре, а на работу на кафедру и я, и другие выпускники выходили в августе. В тот уже далекий 1974 год весь наш институт «гудел»: «Ну, это надо же, Стас «пробил» себе на кафедру 6 (шесть!) ставок старших лаборантов!». Этими же лаборантами были мы, вчерашние студенты, ожидающие отправки для дальнейшей учебы в столичные города. Ожидающие, но не бездельничающие. Стас Андреевич быстро нашел применение и нашим головам, и нашим рукам.

Для начала мы вели за ним практические занятия (как сейчас помню свой рассказ о рейтерных картотеках – бледную копию лекции Стаса Андреевича!), а кроме того, мы участвовали в оснащении учебных кабинетов и лабораторий. Благодаря прекрасным дружеским отношениям с бывшим в то время директором ГПНТБ СО РАН Николаем Семеновичем Карташевым, С.А. Сбитнев сумел добыть и привезти из Новосибирска чуть ли не вагон научно-технической литературы. (Замечу, что Стас Андреевич еще при жизни был совершенно легендарной фигурой, поэтому к масштабу его личности и применяются именно такие единицы измерения – вагон литературы, десятки учеников, сотни читателей и т.д.) Из этого самого вагона впоследствии и выросли наши учебные лаборатории и кабинеты, сформировалось содержание практических и лабораторных работ, поскольку библиотекарей нельзя обучать «на пальцах», без литературы. Разбор и сортировка этого вагона литературы были поручены нам с Т. Разенковой. И сейчас, встречаясь с Татьяной Васильевной Разенковой, профес-

сором, зав. кафедрой менеджмента Московского государственного университета культуры и искусств, мы частенько вспоминаем, как на практике освоили типологическую классификацию научно-технических документов, разобрав несколько центров литературы.

Итак, год 1974, подобно первым российским стипендиатам, направляемым для обучения в Европу, – «птенцам гнезда Петрова», мы, «птенцы гнезда Стасова», разлетелись после окончания вуза на годичные стажировки, в аспирантуры головных вузов культуры СССР – Московский и Ленинградский. Когда я вспоминаю это время и Стаса Андреевича, мне на ум приходит полузабытый глагол «пестовать», то есть «заботливо, любовно выращивать, воспитывать». Стас Андреевич именно пестовал своих учеников. Заботой и любовью были продиктованы не только все его действия по «выбиванию» в Министерстве культуры мест в целевую аспирантуру и на годичные стажировки, ставок в нашем институте, но и горячее желание отдать своих учеников только «в хорошие руки», определить на лучшие кафедры, к лучшим специалистам Московского и Ленинградского институтов культуры. Именно с ними, своими друзьями, – Валерием Михайловичем Мотылевым (Ленинград), Дмитрием Яковлевичем Коготковым, Константином Васильевичем Таракановым (Москва) он предварительно договаривался, просил «присмотреть» за нами, помочь. И на протяжении всей нашей учебы в столицах Стас Андреевич зорко следил за нашими делами, а то и сам приезжал с «инспекцией», придирчиво смотрел и слушал наши «отчеты о проделанной работе», с напускной суровостью охлаждал наши неумеренные восторги от столичной научной жизни. «Ладно, ладно, походи тут, по Невскому, вывески считаешь, может быть, хоть какой-то толк будет», – приговаривал он мне, ревниво следя за направлением моих мыслей и настроений. Но при этом он сумел внушить такое благоговение перед кафедрой информатики Ленинградского института культуры, возглавляемой в тот период Аркадием Васильевичем Соколовым, такую ответственность за время, проведенное в Ленинграде (сначала на стажировке, а потом в аспирантуре), что я старалась из всех сил, стремилась везде успеть и везде попасть. Главное при этом было – держать марку, не подвести Учителя.

Ах, как гордился Стас Андреевич защитой моей кандидатской диссертации, как радовался! Ну как же, первый кандидат наук на библиотечном факультете из числа выпускников, вернувшийся на родную кафедру! Вспоминая свое возвращение из аспирантуры в Кемерово, то лето 1979 года, воистину могу сказать, что он «носился со мной как с писаной торбой»: и на кафедре меня чествовали, и домой он меня на званый обед пригласил (я тогда

впервые попала в дом Стаса Андреевича, познакомилась с его семьей), и всем встречным-поперечным меня представлял и расхваливал на все лады.

Однако торжества закончились, и очень скоро Стас Андреевич заговорил со мной о «прозе жизни»: учебной нагрузке, курсах, которые мне предстоит вести. И тут со мной приключилась история, которую впоследствии Стас Андреевич очень любил рассказывать.

Будучи сам великолепным педагогом, прекрасным оратором с блестящими актерскими данными, Стас Андреевич придавал огромное значение личности лектора, его научной эрудиции, умению живо и ярко подавать учебный материал. Особое внимание он уделял первой лекции, когда преподаватель впервые встречается со студенческой аудиторией. От этой первой встречи, считал Стас Андреевич, зависит дальнейшее отношение студентов к изучаемой дисциплине: будут они к тебе на лекции ходить или предпочтут прочесть изучаемый курс в учебнике. В общем, целую лекцию о роли первой лекции прочел мне Стас Андреевич: «Ты же кандидат наук, ты из Ленинграда приехала, ты не должна бекать-мекать. Ты, Наталья, должна материал изложить сочно, смачно так, широкими мазками нарисовать картину, а главное – факты, факты. Яркие такие, запоминающиеся, из реальной жизни взятые. Берешь их так – раз (он стремительно нагнул) и прямо из-под копыта достанешь!» В ответ на мое жалобное: «Стас Андреевич, так ведь у меня под копытом-то и нет ничего...» – оглушительно расхохотался. И началась работа над моей первой лекцией. Весь июнь и начало июля я регулярно приходила к Стасу Андреевичу домой, показывала сначала план лекции, потом текст лекции, подвергалась нещадной критике, многократно переделывала материал.

Наконец лекция была признана готовой к употреблению, настал и долгожданный день первой встречи со студентами: третий курс, поточная лекция, посвященная информационно-поисковым языкам (ИПЯ). В приподнятом состоянии духа, взволнованная, я заблаговременно, за 30 минут до начала лекции, приезжаю в институт. Радостно улыбаясь, захожу на кафедру, здороваюсь с бессменным лаборантом и верным стражем нашей кафедры Натальей Николаевной Окуновой. Однако ее реакция на меня совершенно неадекватна моему радостному настрою, в ее глазах явно читается ужас и недоумение: «Наталья Ивановна, что случилось?! Почему вы не пришли к началу лекции?! Стас Андреевич был вынужден пойти на поток, заменить вас, чтобы лекция не сорвалась». Я потеряла дар речи, обмякла и села. Вот тебе и первая лекция, вот тебе и мощный заряд на изучение ИПЯ! Оказалось, что я посмотрела на время начала первой пары в расписании про-

шлого учебного года, когда занятия были с девяти часов. А в этот знаменательный для меня первый год работы начало первой пары было сдвинуто на час раньше, то есть на восемь часов. Я-то думала, что приехала пораньше, а уже прошло 30 минут, как началась лекция. В полубоморочном состоянии я дождалась прихода Стаса Андреевича. Зная его страстный, взрывной характер, подавленно ожидала бури и наказания, состояние души – хуже не бывает... Прозвенел звонок, и на кафедре появился Стас Андреевич: «Ну, слава Богу, что ты не вздумала войти в аудиторию, а то я студентам сказал, что их молодая преподавательница немного приболела и появится на следующей лекции». Видя мое угнетенное состояние, он великодушно простил меня, подбодрил, а потом много раз со смехом рассказывал эту историю про копыто и про мою неявку на первую в жизни лекцию, к которой он меня целое лето готовил. На всю жизнь я запомнила этот случай и горжусь тем, что впоследствии за 25 лет работы ни разу не опоздала на занятия со студентами.

Незабываемые 1980-е годы... Стас Андреевич полон сил и энергии, жизнь на кафедре бурлит, он ее генератор, стратег и политик, он ведущий и направляющий, признанный лидер, почитаемый учитель. Сбываются мечты Стаса Андреевича: его ученики защищают диссертации в Москве и Ленинграде и работают рядом с ним: Ю.Б. Ли, В.Т. Сбитнев, Н.И. Колкова, В.С. Арнаутов, О.А. Павлова – все молоды, все безумно талантливы. Вместе работаем, вместе проводим праздники с непременно «капустниками», стихами, песнями, шутками, розыгрышами. Все, как и наш шеф, полны энтузиазма, готовы своротить горы...

В этот период С.А. Сбитнев устанавливает интересные деловые контакты, творческие связи с головными вузами культуры, крупнейшими библиотеками страны (Государственная библиотека им. В.И. Ленина, Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ГПНТБ СССР, ГПНТБ СО РАН). Особое внимание уделяет библиотекам и службам информации родного Кузбасса, Западной Сибири. До сих пор наша кафедра пользуется прочными деловыми связями с библиотеками Кемерово, Новокузнецка, Томска, Новосибирска и других городов, заложенными Стасом Андреевичем. Он разворачивает крупномасштабные научные исследования по автоматизации библиотечной технологии, развертывает экспериментальную работу, вовлекая в нее и преподавателей, и студентов.

У Стаса Андреевича был свой, особый взгляд на науку вообще, и на библиотечную науку в частности. Он приучил нас думать, подвергать сомнению замшелые истины. **Он внушил нам, своим ученикам, непреодолимое отвращение к науке схоластической, мертвой, бездушно описатель-**

ной. Он заложил в нас неприятие тривиальности суждений и банальности гипотез, нетерпимость к пустому наукообразию, ненависть к компиляции, которую именовал по-русски – **воровством**. Сам же никогда не боялся быть обкраденным: «У меня этих идей – как осенних листьев», – любил он повторять. Он привил нам любовь к экспериментальной, живой работе, результатом которой становились свои, не заемные знания и данные.

Мудрец и остро слов, он потешался над вымученными диссертациями по псевдоактуальной тематике, называл «навозной кучей» выписок, конспектов, не осмысленных, не пропущенных через собственный разум, механически переписанных и выдаваемых за результаты научной работы. Мастер метафор и аллегорий, он представлял одну из самых острых проблем библиотечной науки – неадекватность используемых научных методов объекту исследования – следующим образом: «Разбивать яйца для яичницы трехтонным молотом».

На дух не выносил бездумного манипулирования цифрами, процентомании. Прочитав у горе-исследователя фразу типа «В результате исследования установлено, что 40% читателей посещают библиотеку один раз в полгода, 30% – раз в квартал, 20% – один раз в месяц, 10% – еженедельно», ядовито вопрошал: «Ну и что? Плохо это или хорошо? Что из этого следует?» и, как правило, не добившись вразумительного ответа, любил рассказать байку об одной своей студентке, которая отдельные слова в учебнике понимала, а вот смысл прочитанного никак не могла уяснить.

Мне часто задавали вопрос: «Почему ваш Стас Андреевич не защитил даже кандидатской диссертации?» Действительно, почему? На мой, безусловно, субъективный взгляд, причин тому несколько. Во-первых, характер: страстность, импульсивность, неуемная жажда нового, то, что именуется «нетерпением сердца». Ему важно было движение вперед, важен был реальный результат, формальные ярлыки его мало интересовали. Мне трудно представить, что, получив ответ на интересующую его научную проблему, Стас Андреевич мог бы усесться за стол и методично, в соответствии с законами жанра, представлять полученный результат в виде диссертации. На это нужно время, терпение, а их никогда не было, впереди оказывалась гораздо более интересная в научном плане проблема, и ее нужно было решать. Во-вторых, возраст и масштаб личности. Гражданин России 1918 года рождения, прошедший горнило Великой Отечественной, он стал вузовским человеком, руководителем кафедры в возрасте, далеком от аспирантского. И опять-таки, я не могу представить честолюбивого, необычайно гордого Стаса Андре-

евича в роли аспиранта или соискателя (для него соискатель – синоним слова «проситель»), он же в жизни никогда ничего не просил, и роль у него всегда была иная – лидер, победитель. В-третьих, он поистине отдавал себя людям, это был необыкновенно щедрый человек, его идеи реализованы в десятках диссертаций, диссертаций его учеников.

Да, масштаб его личности был таков, что он не нуждался в дополнительных сертификатах своей научной состоятельности. Он знал себе цену, никогда не страдал комплексом неполноценности. Сама его личность, уникальные научные результаты, полученные им в ходе исследований, стали тем магнитом, который стал притягивать в Кемерово ведущих отечественных специалистов в области информационно-библиотечных наук. Перебираю свой фотоархив. Боже мой, какие ученые и специалисты откликнулись на приглашения нашего Стаса Андреевича, который первым дерзнул проводить на базе Кемеровского института культуры всероссийские научно-практические семинары по автоматизации библиотечной технологии, подготовке библиотечных кадров нового типа. Назову лишь некоторые имена столичных ученых: доктора наук, профессора А.В. Соколов, В.М. Мотылев, В.П. Леонов, Ю.Н. Столяров, Ю.С. Зубов, К.В. Тараканов, Э.К. Беспалова, доценты Р.Ф. Гринина, Г.В. Гедримович и многие другие.

Стас Андреевич учил нас, тогда еще зеленую молодежь, с честью принимать высоких гостей, дорожить маркой вуза, факультета, кафедры. **Он не терпел пустой говорильни, разговоров «о роли и значении» чего бы то ни было. «Роль огромная, значение большое. Дальше что?» – язвительно комментировал он название конференций и семинаров, посвященных, например, роли КПСС в развитии библиотечного дела. Подчеркивая приоритет содержания для проводимых у нас в вузе семинаров, любил повторять притчу: «Вот позвала ты меня на обед. Но подала только компот. А где борщ, где котлеты? Без компота, я, может, и обойдусь, а вот без борща и котлет – уйду голодным. Вот так и семинар, сначала должно быть основное блюдо, а уж потом всякий твой компот».** «Приглашая к себе гостей, – наставлял он, – мы должны что-то подарить им: идею, подход к решению задачи, методику, иначе незачем и собираться. Мы должны иметь свой нос». Этот самый нос, как символ уникальности, неординарности, Стас Андреевич использовал очень часто, подчеркивая этим необходимость ведения собственных исследований и разработок.

Это же требование – наличие своих, полученных лично или в результате усилий научного коллектива результатов исследования, он неукоснительно со-

блюдал, снаряжая нас в научные командировки для участия в конференциях и других научных симпозиумах. Мне, Н.И. Колковой, Г.Ф. Леонидовой довелось немало поехать вместе со Стасом Андреевичем (Новосибирск, Томск, Алма-Ата, Москва). И Стас Андреевич всегда тщательно следил за тем, чтобы у нас «был свой нос». Кроме того, выступать мы должны были «кусточком», то есть представленные доклады должны были отражать крупную, комплексную НИР, являя собой отростки мощного дерева, ствол, стержень которого обычно представлял в своем докладе сам С.А. Сбитнев. Да и в зрелые наши лета он нас пестовал – советовал, а то и просто сам формулировал тему доклада, проверял его текст, указывал, как расставить смысловые акценты. Эти многочисленные совместные поездки выковали у нас навыки публичной дискуссии и защиты своих научных интересов. Страстный полемист и яростный спорщик, Стас Андреевич научил нас этому искусству. Научил не бояться, не отступать в научной схватке. Научил ценить и уважать добытый тобой лично научный результат и бесстрашно защищать его, невзирая на то, что результат этот может кому-либо не понравиться.

Все эти навыки чрезвычайно пригодились мне впоследствии при защите докторской диссертации, сама тема которой – «Лингвистическое обеспечение библиотечной технологии» – была подсказана Стасом Андреевичем, который прозорливо ориентировал меня на ее изучение буквально сразу после аспирантуры. При этом важно подчеркнуть, что Стас Андреевич всегда ставил перед нами высокие планки, но не с точки зрения формальных показателей – защита докторской диссертации, например, а с точки зрения масштаба научной проблемы. Он был непревзойденным мастером, асом выявления и формулирования научной проблемы. **А ведь известно, что правильно поставленная задача – это уже половина успеха для ее решения.** В моем случае многолетнее последовательное решение поставленной задачи привело сначала к постановке и внедрению в учебный процесс курса «Лингвистическое обеспечение библиотечной технологии», инициатором которого, конечно же, был сам Стас Андреевич. Но, совершенно очевидно, чтобы поставить новый, самостоятельный курс, мало «начитаться» литературы, нужны специальные исследования. И вот постепенно появился материал, который затем воплотился в монографию, а еще чуть позже стал докторской диссертацией. И все это – благодаря Стасу Андреевичу.

С легкой руки Стаса Андреевича у нас на кафедре сложилось своего рода «безотходное производство»: внедрение новых специальностей и специализаций требует проведения дополнительных исследований, а результаты проведенных исследований не

просто обогащают учебные дисциплины, становятся основой для спецкурсов и спецсеминаров, но служат основой для подготовки диссертаций. Внедрив в наши сердца идею о тесной связи вузовской науки и практики, буквально вдолбив в наши головы мысль о невозможности существования вузовского педагога без занятий исследовательской работой, С.А. Сбитнев сумел на практике доказать продуктивность такого подхода, сформировать репертуар уникальных учебных дисциплин, придать кафедре «лица необщее выражение».

Человек необычайно страстный, увлекающийся, Стас Андреевич не просто жил, он горел своей работой, своим Делом, разжигая такой же интерес, увлеченность у своих коллег. Это нашло отражение даже в такой детали, как, например, темы разговоров преподавателей кафедры на перемене: они непременно связаны с работой. Не в том дело, что преподаватели нашей кафедры не солят огурцов или не интересуются новиками моды либо курсом валют, а в том дело, что такие разговоры при Стасе Андреевиче и возникнуть-то не могли, ибо были гораздо более важные и интересные профессиональные темы, а о другом даже в голову никому не пришло бы заговорить.

Талантливый педагог, оригинальный ученый, исследователь, Стас Андреевич был великолепным организатором, мудрым руководителем. Бесценны его уроки. Благословляя мой переход с «доцентства на проректорство» (до этого никакого опыта руководящей работы не было), напутствовал: «Ты – молодой еще человек. Тебе аванс дается. Выйди к людям и скажи, чего ты хочешь добиться на этом посту. Изложи свою платформу, куда, как ты собираешься вести науку в нашем вузе». С помощью Стаса Андреевича я подготовила свою «платформу» проректора по научной работе и выступила с ней в 1982 г. на общем собрании института, вызвав, что называется «огонь на себя», но зато четко определив свои позиции. Другой урок Стаса Андреевича – урок о моральном праве руководителя требовать. «Не можешь ты ни с кого в вузе никакую науку потребовать, если сама не ведешь научных исследований, чтобы требовать – надо иметь на это право», – говаривал Стас Андреевич.

И еще один, пожалуй, самый важный для меня, урок в Школе Сбитнева – урок об ответственности руководителя, о неизбежной личной ответственности и за принимаемые тобой решения, и за твоих подчиненных. Много раз говорил Стас Андреевич, и я хорошо усвоила его тезис: «Плох тот руководитель, кто дурно отзывается о своих подчиненных. Не они – он виноват». Стас Андреевич горой стоял за каждого преподавателя нашей кафедры перед лицами начальствующими (или, как он любил шу-

тить, – «товарищами начальниками»). Это он заложил во мне неколебимую уверенность, что и кафедра, на которой я работаю, и мои коллеги-преподаватели – лучшие на свете. Эту святую убежденность, что я работаю в окружении лучших специалистов, лучших людей, я потом перенесла и на своих коллег в ректорате, и на научную часть, и на аспирантуру, и на РИО. Без такой веры, без глубокого уважения к работающим рядом с тобой людьми, по моему мнению, нет и не может быть руководителя, как не может быть и продуктивной работы, приносящей удовлетворение.

Однако, вспоминая уроки Стаса Андреевича, не могу ограничиться нотой этакой благосности. Стас Андреевич – это вулкан, а не елей. Повторюсь, это был страстный, даже пристрастный человек. Он был необычайно требователен. «На кафедре – я руководитель, я казню и милую ...» – он имел право так говорить, ибо в каждого из нас он вложил столько души, сердца, таланта. «Но никто через мою голову не может моим преподавателям давать приказы, наказывать. Я за все несу ответственность, и за своих преподавателей тоже».

Стас Андреевич был необычайно проницательным человеком. Его оценки людей были точны, характеристики – метки, меня поражало и поражает его умение разглядеть человека, увидеть то, что скрыто, что называется «изнанку души». Ах, сколько раз я яростно спорила с ним по поводу конкретных персон, защищая их от «нападок» Стаса Андреевича (они могли касаться работы, нравственных позиций человека, манеры поведения и т.п.), сколько раз мы ссорились из-за этого, но шло время, и близорукой и неправой оказывалась я, а диагноз, поставленный человеку Сбитневым, оказывался верным и точным.

Калейдоскоп воспоминаний... Воспоминания яркие, радостные, счастливые, и воспоминания, острой тоской терзающие сердце, воспоминания последних лет и последнего лета...

Невольную вину чувствую за сузившееся, подобно шагреновой коже, время общения со Стасом Андреевичем в последние годы. Моя карьера ученого и администратора, мои нескончаемые обязанности и обязательства, мои бесконечные командировки, жизнь на бегу, между самолетом и поездом, «съедали» золотое, дивное время, время неспешных бесед со Стасом Андреевичем. Конечно, он очень гордился моими успехами, радовался за свою ученицу, но, наблюдая за темном моей жизни, порой печально шутил, предостерегая от верхоглядства и поверхностности в работе: «Ты, Наталья, знаешь, как те начальники, которые в 30-е годы на машине объезжали колхозы, чтобы, значит, «держать руку на пульсе». Приедут и тут же уе-

дут: «Здравствуйте, товарищи колхозники, до свиданья, товарищи колхозники». Вот так и ты».

И самые последние воспоминания, кадры навсегда остановившейся хроники. Солнечный августовский день, в моей квартире телефонный звонок, гром среди ясного неба, буквально несколько слов, повергших меня в шок: «Наталья, я в реанимации». Видно, кто-то из врачей дал Стасу Андреевичу мобильный телефон и он смог подать мне сигнал бедствия. Звоню, узнаю, что и как. Слава Богу, ему лучше, его переводят из реанимации в палату. Мчусь с передачей в ветеранский госпиталь. Стас Андреевич, похудевший, но бодрый, радостно меня встречает, усаживает в палате, затем предлагает выйти на балкон – «Чего нам здесь со стариками сидеть». (Себя он никогда стариком не ощущал и никогда им не был.) Расспрашиваю, что и как. Протягивает мне руки, все в точках от уколов, как ребенок, жалобно: «Видишь, всего искололи». Но тут же обрывает себя, «давай о чем-нибудь более интересном разговаривать». Делится планами, надеждами, мечтает о будущем внучки Аленки. Я с опаской говорю о том, что мне, как члену Постоянного комитета по библиотечковедческим исследованиям ИФЛА, скоро (послезавтра!) предстоит поездка на 68-ю Сессию и Генеральную конференцию ИФЛА, в Шотландию, в Глазго. Стас Андреевич оживляется, радостно машет руками:

– Поезжай, поезжай. Я тебя обязательно дождусь. Ты когда возвращаешься?

– 30-го августа, утренним московским рейсом.

– Как прилетишь, сразу звони мне, меня уже скоро выписывают. Нет, ты поняла? Не жди дня, а сразу утром, как прилетишь, так и позвони. Я буду ждать.

Стас Андреевич Сбитнев ушел из жизни 26 августа. Мне не довелось его проводить. И от этого очень горько и больно. Я была очень далеко. А в памяти он так и остался живым, беседующим со мной на балконе жарким августовским утром под шелест листьев деревьев, что заглядывали в окна больничной палаты.

И последнее стеклышко в калейдоскопе воспоминаний. В юности, когда еще не было горького опыта безвозвратных потерь и трагических утрат, как и многие, я очень боялась даже мысли о смерти, Стас Андреевич казался мне тогда очень, очень старым. Я с ужасом думала: уеду в отпуск, а он, не дай Бог, – умрет». В зрелом возрасте Стас Андреевич стал казаться мне вечным. Особенно эта мысль укоренилась после потери всех моих близких. Он стал для меня единственным утесом надежности в этой жизни, какой-то не материальной, но вполне ощутимой и безумно дорогой духовной опорой, поэтому его потеря для меня – удар, кото-